ПЕТР АЛЕШКОВСКИЙ

ОТ МОСКВЫ...

Петр Маркович Алешковский

От Москвы…

Серия «Письма русского путешественника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42254146
От Москвы… – Алешковский П.: Новое литературное обозрение; Москва; 2010
ISBN 978 5 86793 744 7

Аннотация

Путешествие – не просто любопытство, это еще и попытка уловить отзвуки прежних времен, что звучат в любой точке мира. Судьбы живших здесь людей, их характеры и поведенческие нормы, их культура не исчезают, но переплавляются, приспосабливаются к новым временам, сохраняя древние основы. Автор книги, известный писатель Петр Алешковский, – своего рода археолог, который, помимо прочего, не только старается услышать и понять встреченных людей, но и проводит раскопки в собственной душе. Его путевые очерки – поиск важного и типического в нашей истории, что могло бы прояснить, почему сегодня мы живем так, а не иначе. Заполярье и горы Армении – первой христианской страны в мире, недавно еще бывшей частью огромного СССР; экспедиция на остров Сахалин к

аборигенам-нивхам, на русский Клондайк, где, кажется, всем правит дух наживы; поезд Москва-Владивосток, повторяющий путь освоения и по сию пору полупустого материка, на котором живут наши сограждане. Живут далеко-далеко от Москвы…

Содержание

От Москвы до самых до окраин 7
Москва – Нижний Новгород 7
Нижний – Киров 8
Киров – Балезино 10
Балезино – Пермь-2 12
Пермь – Екатеринбург 14
Екатеринбург – Новосибирск 17
Новосибирск – Томь – Тайга – Мариинск 19
Мариинск – Тайшет 21
Тайшет – Нижнеудинск 23
Нижнеудинск – Иркутск 26
Иркутск – Улан-Удэ 27
Улан-Удэ – Чита 30
Могоча – Биробиджан-1 32
Биробиджан-1 – Хабаровск 35
Хабаровск – Владивосток. Город 36
Маяк на краю земли 41
Русский Клондайк 43
1 43
2 47
3 50
4 51
5 54

6 56
7 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

П. Алешковский
От Москвы…

© Алешковский П., 2010
© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение», 2010

От Москвы до самых до окраин

Москва – Нижний Новгород

В девять двадцать пять вечера по нечетным числам с Ярославского вокзала в Москве отправляется поезд во Владивосток. Билет мы с фотографом взяли в «СВ» – ехать шесть дней и семь ночей, после травмы у меня сильно болела нога, и толчею в купе или плацкарте я бы вряд ли перенес. Главный экспресс РЖД под номером один мчится сквозь всю страну девять тысяч двести пятьдесят километров до моря-океана. Вагоны выкрашены в цвета триколора, над окнами надпись – «Россия».

До Владимира вся ночь за окном утыкана огоньками. Старинное обжитое пространство, если и появится лесок, то очень скоро и сгинет. Поезд укачивает, за окном пролетают пригородные станции – здесь еще царство московских дачников.

Я лежу на боку и мечтаю о реках, что еще впереди, шепчу, как заклинание: Вятка, Кама, Тобол, Иртыш, Обь, Томь, Чулым, Енисей, Селенга, Зея, Бурея, Амур, Хор, Уссури…

Нижний – Киров

Утром первого дня отправляемся в ресторан, где знакомимся с директором Лендриком. Классический армянин – орлиный нос, глаза-маслины. Он, правда, из Грузии, из Абастумани.

– Мировой курорт был. Санатория на каждой горе стояла. Один воздух от туберкулеза излечивал. Все. Не нужно стало. Если б не уехал, спился бы или на иглу сел, как одногодки. Устроились в Саратове. Дети в школу стали ходить, сначала в штыки их приняли, потом подружились. Дети всегда так, взрослым сложней, да? Папа умер два года назад. Мама сейчас только смогла в Грузию поехать – друзей навестить.

Лендрик перенес тяжелую операцию, едва не умер, знакомые устроили в вагон-ресторан.

– Много кем поработал. Сейчас вот людей кормлю.

– Странное у тебя имя…

– Когда я родился, папа служил срочную где-то в России, составил имя из первых букв имен армейских друзей. Разных национальностей были друзья, тогда же все дружно жили.

– В Грузии дом продали?

– Зачем? Я свой дом никогда не продам, там могилы предков.

– А кем раньше работал?

– Много кем я был. В Абастумани – шофером на грузовике, потом автобус водил. В Саратове – строителем. Жизнь пришлось по новой начинать. Никому не пожелаю.

Сидит за столиком перед ворохом каких-то счетов, смотрит на нас скорбными армянскими глазами. Лендрику пятьдесят, мы с ним ровесники.

Ловлю себя на мысли, что девяностые пролетели, а я их в Москве вроде как и не заметил. Приходится отшучиваться:

– Я думал, ты в честь «Лендровера» назван.

– Я даже не знаю имен тех отцовских друзей, давно это было. Скоро дедом стану. Остальное, в сравнении с такой радостью, – ерунда. Скорее бы, уже хочется. Тебе хочется?

Киров – Балезино

Знакомиться можно в тамбуре или просто проходя по вагону. Медсестра Ольга из Кирова едет с маленькой дочкой в Уссурийск к сестре. Та вышла в Приморье замуж.

– Из Вятки?

– Из Кирова. «Вяткой» у нас поезд фирменный называют.

Глаза напряженные, еще не решила, стоит ли так вот заговаривать с незнакомым мужиком.

Представляюсь. Сразу начинает рассказывать.

– Медсестра в больнице РЖД, в кардиологии.

– А где ваш папа?

С вызовом, не отводя глаз:

– Он у нас дальнобойщик. Решил отдохнуть от нас. А мы от него.

– В Уссурийске раньше бывали?

– Нет, первый раз.

Красивая и молодая едет так далеко, не похоже, что просто в гости. Бежит от мужа? Надолго ли решил отдохнуть от них папа или просто поехал с друзьями на рыбалку? Мама и папа у Ольги умерли.

– В Уссурийск на разведку?

– Вроде того.

– А переехала бы?

– В Кирове теперь работы стало навалом. Если счастье

найду, – улыбается, – могу и переехать.

– Много платят?

– Справляемся.

Балезино – Пермь-2

За окном марсианский пейзаж: все пространство заросло трубкой-борщевиком. Завез его в сталинские времена некий академик от сельского хозяйства на корм коровам. Борщевик оказался хоть и мясист, но ядовит. Сорняк-диверсант наступает, отвоевывая шаг за шагом неудобья и заброшенные поля, тянет соцветия-щупальца все дальше от Центральной России, вот уже перебрался через реку Вятку. Заросли уходят в леса, обступают жалкие деревушки. И никто с ним не борется, живут по соседству по принципу: «Пусть растет». Сразу от Москвы начались заросли иван-чая, он противостоит ядовитому пришельцу, но бой этот, похоже, неравный.

Леса становятся гуще. Смешанные, сосново-лиственные. Озерки с блестящей на солнце водой. Вода густо заросла травой, в которой проторены тропинки, узенькие – утятами, пошире – их родителями.

Домики путевых обходчиков, сложенные из шпал, стоят через равные промежутки прямо у насыпи. Покрашенные бело-синей краской – в цвет дороги, они тянутся, как верстовые столбы, весь путь, до Владивостока. Одно окошечко. Кучка дров рядом. Тоненькая жестяная труба, похожая на самоварную.

Из домов чуть побольше составлены деревеньки. Строились, похоже, после войны. Тогда больших домов не ставили

– не на что было, да и запрещали, при социализме все должны были жить одинаково скромно. Собаки на цепочках лают на проносящийся экспресс. Небольшие клочки земли за оградой из колючей проволоки, на них – ровные грядки, картошка. Если дома не из дерева, а кирпичные, если к ним есть хорошая дорога, значит, скоро будет большой город. Это не дома – дачи. И построили их недавно за приличные деньги. Но, что удивительно, – и на этих участках тоже картофельные грядки, разводят их, вероятно, пенсионеры – папы и мамы хозяев дач, никак не могут отвыкнуть от прошлой жизни.

Пермь – Екатеринбург

Второй день не кончился, а в 17:00 уже будет Пермь. Первый раз я приехал сюда в 1979-м, когда писал диплом о проникновении новгородцев на Русский Север. Новгородец Гюрята Рогович, переваливший в 1098 году на лыжах через Уральский хребет, рассказывал потом, что видел земной рай с несметными стадами оленей, озерами и реками над которыми летали бесчисленные стаи нестреляной дичи, лесами, в которых соболей было, что грибов. Представить, что земля продолжается дальше, он не мог. Собольи меха, поступавшие в средневековье на рынки Европы, считались особым шиком в странах, не знавших пушного зверя ценнее лисицы. Соболь и куница – главная валюта древней Руси. Из-за них и началось медленное продвижение на восток.

В конце четырнадцатого века, запасшись охранной грамотой от князя Дмитрия Донского, друг и соратник Сергия Радонежского, монах Стефан Пермский, в миру – Степка Храп, пришел в эти дальние земли утверждать православие. Плыл по проторенному новгородскими ушкуйниками пути – по рекам, через волоки. Вотяки схватили чернеца, обложили дровами, наметали горку соломы, но никто не отважился поднести лучину – кроткий вид и бесстрашие идущего на смерть обезоружили язычников. Его отпустили. Он тут же принялся громить языческие капища, спилил в Усть-Выме

священную березу. На ее месте воздвиг первый деревянный храм. Так Одиссей, если верить Гомеру, построил свой дворец вокруг пня, из которого сделал брачное ложе. Вряд ли был дворец большим, как, наверное, и церковь в Усть-Выме.

В тот первый приезд мне казалось, что Пермь далеко, почти на краю земли. А на деле до края еще ехать и ехать – пять дней, шесть ночей.

В семьдесят девятом зимой стоял жесточайший мороз. Специальные команды дежурили в городе на конечных остановках троллейбусов, собирали пьяных – заснуть в такую погоду означало не проснуться. Троллейбусы скрипели шинами по жесткому, как песок, снегу, графит на штангах высекал из проводов желто-синие искры.

Теперь – лето. На мелкой станции за Пермью стоим пятнадцать минут. Пироги с картошкой, с капустой, блинчики с творогом. Бабки, тетки зарабатывают на жизнь, кто чем горазд.

– Сколько у вас тут людей живет?

– Хрен его знает, яичко купи.

Мы едем в ночь, зачем мне перед сном яичко?

Дедок идет по перрону, размахивает здоровенным копченым лещом, кричит:

– Акула! Акула!

Но и акулу не покупают.

Мелькает указатель на раздолбанной дороге: вперед – Морозы, налево – Луговая. Морозы семьдесят девятого мне не

забыть.

Екатеринбург – Новосибирск

Утром первое, что бросается в глаза – домик с шиферной крышей, на которой вытравлено слово: «Продается». Кто его продает? Вряд ли новый хозяин станет тратить деньги и покрасит шифер. Будет жить, пока время и непогода не съедят надпись. Рядом – остовы трех сгоревших домов. Пожар – вечная трагедия деревянной Руси.

В одной из поздних сибирских летописей есть такой рассказ: воеводы Тобольска в семнадцатом веке послали царю грамоту, где, жалуясь на сильные пожары, уничтожающие город, испрашивали царского совета. «Некоторые говорили нам, что-де зверь-таракан в ушке своем из избы в избу уголек переносит, а посему как быть: студить избы на свирепом морозе и морить таракана, что сильно неудобно, или все это ложь». Ответ пришел через два года – столько скакали гонцы. Он был лаконичен: «Вольно вам, дуракам, других дураков слушать».

Что-то подсказывает мне: не были воеводы дураками, а лишь скоморошничали, жалуясь на оскудение после пожаров, наверняка добились списания оброка, который собрали сполна, невзирая на бедствие. Об этом, понятно, летопись молчит.

Сибирь всегда кормила центр, а перемещенные во время войны заводы помогли выстоять в войне. Нефть нашли срав-

нительно недавно, но она с лихвой заменила исчезающих соболей.

Новосибирск – Томь – Тайга – Мариинск

В соседнем вагоне едут десять поляков. В Варшаве купили путевки, агентство дало им гида – симпатичную переводчицу, Наталью из Львова, бывшую медсестру. Проработав десять лет в больнице, она сбежала в Польшу.

– Надоело за десять долларов трудиться. А тут еще муж разбился в автокатастрофе. Сыну шестнадцать, живет с дедом-бабкой, я учусь на менеджера по туризму. Снимаю комнатку у стариков-пенсионеров за 200 долларов в месяц.

Пока все отлично.

Пенсионеры из Лодзи и Варшавы, муж с женой из Гданьска, торгующие детской одеждой, пани Зося – колоритная толстушка-учительница литературы, гордо называющая себя писательницей, потому как пописывает рецензии в журнал. Потеснившись, они дали мне место на полке. Стараются вспомнить русские слова, что учили в школе.

Про прежнюю жизнь говорят с отвращением, но не питают зла к русским. Вспомнили Окуджаву: «Мы связаны, Агнешка, с тобой одной судьбою». Они любили его песни, как и мы.

– Сейчас снова возник интерес к русскому языку. Раньше в школах учили его из-под палки, поэтому в 90-е молодежь переориентировалась на английский. Теперь дети по

собственному желанию снова учат русский.

– Что так?

– Бизнес, предложения идут из России, все хотят зарабатывать.

Поляков манит Байкал. Десять дней они будут плавать на кораблике, поживут на острове Ольхон, потом поедут в иркутскую деревню, где осели их соотечественники – потомки поляков, сосланных за участие в восстании Косцюшко. В 1794 году, объявив себя генералиссимусом, этот народный вождь пошел на русские войска с пиками и косами. Исход был предрешен – оставшиеся в живых добрели до Сибири в кандалах.

– Чего ждете от встречи, панове?

– Не знаем. Но интересно.

Мариинск – Тайшет

– Байкал – это самое глубокое озеро в мире? – спрашивают меня голландцы в ресторане. Тот же вопрос задаст мне Марк, молодой англичанин-вегетарианец, решивший из романтических соображений пересечь континент. Едет в Улан-Батор к другу, с которым познакомился через Интернет.

Голландцы тоже клюнули на романтику. Один – усач, Лендрик называет его Буденным, другой, его брат со шкиперской бородкой, всю жизнь проработал водителем в Канаде, недавно вышел на пенсию и, чтобы совершить это путешествие, специально прилетел из-за океана. Еще четверо крепких старичков в их компании.

Один из них тычет пальцем в окно:

– Very cold in winter? Snow, no roads?

Киваю головой. У иностранцев Россия ассоциируется прежде всего с дорогой, с опасным продвижением сквозь тьму и метель к какому-нибудь очагу тепла и света. Понятно, в Голландии стоит закончиться одной деревне, как тут же начинается другая. Но ловлю себя на мысли: снег, метель, дорога, замерзающий в пути ямщик… не мы ли сами навязали им этот образ? Качается вагон, стучат колеса. Как же люди добирались сюда на лошадях? А пешком и в кандалах?

Голландцы целыми днями пьют пиво в вагоне-ресторане. Завтра им сходить. Иркутск – перевалочная станция, боль-

шая часть иностранцев делает здесь остановку, чтобы посмотреть Байкал. Отдохнув на турбазах, уезжают в Пекин. Они называют свое путешествие «кругосветкой». Если представить себе, откуда они слетаются в Москву, то они почти что и правы.

Тайшет – Нижнеудинск

Через купе от нашего едет одинокий парень. Накачанный, плечи бугристые, бицепсы, как у купца Калашникова, коротко подстриженная борода, майка тяжеловеса на лямках, забранные в пони-тэйл волосы, на золотой цепочке – резной черный крест в золотой оправе. Как бывший археолог отмечаю, что крест сделан «под шестнадцатый век». Знакомимся. Парень оказывается отцом Сергием из Ангарска, что под Иркутском. Несколько лет назад окончил семинарию Троице-Сергиевой лавры. Говорит, что мечтал бы служить в Ярославле или Ростове, куда ездил сейчас в отпуск.

– У нас один святой – Иннокентий Иркутский, а там – рака на раке, а какие храмы! Хоть бы раз послужить в таком, но постеснялся попросить. У меня и документ есть с печатью епископа, не стал тревожить – людей не знаю. Ходил, глазел, красота.

Отец Сергий рассуждает:

– Смертная казнь нужна. Отпевал как-то женщину, изнасиловали и убили, а двое детишек осталось. У нас же город – одни уголовники, кругом лагеря, папа мой до пенсии в охране прослужил. Ангарск – это всего-то 56 лет истории, две церкви. Моя – это перестроенный городской дом культуры. Но красивая, маковку поставили, купол.

Понимаю, почему его тянет в Ростов, в Ярославль. Бы-

вал в Ангарске. Задолго до въезда в город начинаются мертвые леса: ветер несет ядовитый дым от химических заводов – деревья не выдерживают, засыхают. Люди живут. В советские времена беременных по справке переводили на «легкий труд», например из вредного цеха в секретарши.

– А переехали бы?

– Нет, нельзя, у себя поставлен, я тут нужнее. Но сложно, сложно служить.

Женился он рано, еще когда учился в семинарии.

– Взял с ребенком, по любви, родила мне еще одного. Потом подала на развод. Жениться мне больше нельзя. Хожу в спортзал, качаюсь. Правильно советовал один старец: не спеши жениться. Теперь расплачиваюсь. А в монахи – боюсь не сдюжу. Монах должен жить в монастыре. В миру жить, на мой взгляд, неправильно. Одни соблазны.

На вид ему лет двадцать пять.

– Денег, конечно, маловато, но мне много не надо. Я вот рясу в портфеле спрятал. Зачем светиться? Не люблю. Лишнее это. Гордыни в нашей церкви много, богатства показного, грех, люди же смотрят.

Когда после учебы возвращался из Лавры, у меня в поезде случился инсульт. Но пережил, сейчас служу, не жалуюсь. Бабушки мне на дорогу собрали, на отпуск, спасибо им.

Ловлю себя на том, что не верю – бедный попик, качается в спортзале, похож на омоновца, едет в «СВ». А почему не верю? Устыдившись, молчу. Вспоминаются слова марки-

за де Кюстина о том, что Сибирь – «плод немыслимых страданий, земля, населенная преступными негодяями и благородными героями, колония, без которой империя была бы неполной, как замок без подземелий». Жизнь в Ангарске, населенном освободившимися урками, – завидовать нечему. Словно прочитав мои мысли, отец Сергий добавляет:

– Ночью у нас ходить небезопасно. Пришлось тут как-то… Троих в отделение сдал, потом исповедовался.

Ломоносов, по воспоминаниям современников, тоже связал однажды троих напавших на него пьяных матросов одним ремнем и отвел в участок.

Нижнеудинск – Иркутск

Оставив отца Сергия, выскакиваю на очередной станции. Размять отекшую ногу, почитать вывески, купить мороженое. Наталья-переводчица подбегает, хвалится меховой шапкой.

– Красиво?

– Сногсшибательно.

– Чернобурка. Теперь меха снова вошли в моду. Купила две шапки за двести долларов. Одна такая в Варшаве стоит около трехсот пятидесяти. Продам одну – вторую оправдаю, еще и наварю. Нет, правда я – прелесть?

– Наталья, ты – прелесть.

Все уже сроднились. Как на подводной лодке в начале плавания. Только надоесть друг другу не успеем. Ей завтра сходить. Смотрю на шапку, радуюсь – все у нее получится, за десять долларов в месяц она больше работать не станет.

Иркутск – Улан-Удэ

А мы все едем, едем, и нет конца. Чуть-чуть сменились краски за окном – больше стало темно-зеленого, изменились и реки, текут по камням, неглубокие, холодные, быстрые и все – в Байкал. Озеро плоское, берег заставлен палатками и сильно загажен. Люди отдыхают – коптят небо кострами, играют в волейбол, рыбачат. Турбаз, похоже, здесь нет.

В 1665–1666 годах через озеро добирался до конечного пункта ссылки, в Дауры, протопоп Аввакум – первый российский политический заключенный, прошедший пешком почти всю Сибирь. Озеро тогда поразило его. Как и Гюряте Роговичу, оно показалось ему земным раем: плавали гуси и лебеди, «яко снег», вода озера была кристально чиста. «Осетры и таймени жирны гораздо, – нельзя жарить на сковороде: жир будет все». Русских тогда в этих местах было мало, избы соседствовали с юртами, уступая им в количестве.

На станциях все те же пирожки с картошкой. Манты появятся в Улан-Удэ. Слюдянку, где торгуют омулем горячего копчения, я благополучно проспал и жирной байкальской рыбы не отведал. Давно позади мощный Енисей. Красноярск и Иркутск не оставили никакого впечатления, как и большинство городов, ведь пролетаешь их вмиг и оценить просто не в состоянии. Ну, каменные джунгли, ну, появились, наконец, праворульные японские машины, но все это ожидаемо.

На третий день начинаешь считать – сколько осталось? И вспоминается вычитанное в путевых заметках какого-то чужеземца: «Только сумасшедший иностранец захочет провести целую неделю в поезде, даже мягком, если это расстояние можно преодолеть на самолете за день, причем почти за ту же цену». Я не иностранец, а мой билет в «СВ» стоит вдвое дороже самолетного.

А впрочем, я, пожалуй, и иностранец. Я из Москвы, «с запада», как говорят здесь, в Сибири. Я бывал и на Байкале, и в Улан-Удэ, и в Чите, но проезжаю эти места, как в первый раз и, как японец в анекдоте, стою, уткнувшись в окно, шепчу: «Как много земли, как мало людей». Впрочем, до Советской власти много их тут никогда и не жило. Осваивать земли по-настоящему стали при СССР.

Неподалеку от Улан-Удэ в середине восьмидесятых бурят-краевед, возивший меня по республике, остановился у подножия длинной пологой сопки. Земля на ней была распахана, чахлые растеньица изнемогали от жаркого солнца.

– Что это?

– Кукуруза, приказ из Москвы.

– Так не хрущевские же времена.

Краевед пожал плечами:

– Приказ не обсуждается. А знаешь, сколько стоит ее посадить? Раньше, при царе буряты только отары по степи гоняли, теперь заставляют земледелием заниматься.

Потом он рассказал, как при установлении Советской вла-

сти тут обобществляли все, вплоть до куриц и жен. Потом, правда, признали перегиб – куриц и жен вернули назад.

Улан-Удэ – Чита

Начинаются сопки. Они покрыты лесом, как голова негра кудряшками.

– Тут были сильные пожары, – объясняет мужичок, что стоит рядом. Пятнадцать лет назад тут все горело. Теперь вырос молодой лес.

Опережая вопрос, попутчик замечает:

– Через две, ну, три недели вся эта красота кончится. В середине августа лист на березе начнет желтеть.

Мы едем в июле, в самый разгар лета, над травами летают пчелы, стрекозы, оводы, бабочки, все спешат урвать теплого солнца перед мокрой и ветреной осенью, перед холодной затяжной зимой. Хорошо все-таки, что сейчас лето, думаю я, заворачивая в купе к попутчику.

Попутчик – машинист маневрового тепловоза в Коломне. Перебрался из Забайкалья, из далекой Могочи, куда везет теперь по бесплатному билету двоих детей. Дети расставили в проходе армию солдатиков. Трое бельгийских ребятишек, едущих с родителями до Владивостока, воюют против них. Переговариваются жестами. Устав играть, бельгийская девочка начинает гладить русского мальчишку-карапуза по голове.

Машинист Егор оптимистичен.

– Получаю сорок тысяч. Много? По мне, так достаточно,

но можно и больше. В кабине до плюс пятидесяти, о кондиционере и думать не смей. Мазут, соляра, а водители электровозов вообще работают как в аду – целыми днями среди магнитов. От ребят после смены лампочки зажигать можно. Наш брат, машинист, долго не живет – два-три года на пенсии и в землю. А бывает, и на работе умирают. Был тут у нас случай, сердце не выдержало.

– Что ж хорошего в такой работе?

– А кто в вашей Москве на такую пойдет? И в Коломне на маневровом кататься желающих нет, только мы, приезжие. Зато детей поставлю на ноги. На шпалах не работал и не стану, мать оттрубила всю жизнь, знаю, что это такое. Ладно, проживем, главное из Могочи вырвались. У нас говорят: «Есть на свете три дыры: Могоча, Кушка и Мары». Могоча, та в России осталась, будешь скоро проезжать, полюбуйся.

Могоча – Биробиджан-1

Но любоваться особо не на что. Станция Могоча. Стоим двадцать минут. Что можно за это время разглядеть?

– Азербайджанская республика, – провозглашает за моей спиной начальник поезда Сергей. У него хитрое лицо, короткая стрижка и зуб золотой.

– Почему азербайджанская?

– Они тут крутые, золото моют.

И правда, в толпе на перроне встречаются кавказские лица, но не похожи она на «крутых» – простые работяги.

Машу на прощанье машинисту с детьми, их встречает пожилая женщина в пестром сарафане, дети счастливо визжат.

– Бог любит Сочу, а черт – Могочу, – замечает из-за спины начальник поезда.

Мы вскакиваем на подножку, идем в его купе.

– Говорят, тоталитарный режим был. Я на себе не ощущал ничего такого.

– Прилавки пустые с кирзовыми сапогами сорок шестого размера и заплесневелыми баранками помнишь?

– Было. И что? Я голода не знал, еще и икорку с Приморья возил. Знали, как жить. А теперь кругом вранье, начиная с дома. Встаешь утром, тебе врут – жена, дети. И в телевизоре. И на улице.

– Что, убежал из дома на железную дорогу?

– Почему? Работаю.

Мы коротаем время за беседой, едем через нашу страну, сквозь нашу историю.

Большинство работающих в этом поезде, похоже, так до конца и не приняли сегодняшний день, вспоминают прошлое, как утраченный Золотой век. Они либо все забыли, либо знают о социализме по рассказам.

Молодые супруги-проводники из Брянска, получающие двенадцать тысяч в месяц.

– За такую работу?

– У нас в городе без блата столько не заработать, не устроиться просто. Но раньше на дороге лучше платили. У нас двое детей, еле-еле хватает, отложить не получается.

Проводница, взявшаяся постирать и погладить мои штаны и отказавшаяся брать с меня деньги, на вопрос о зарплате тоже вздыхает.

Лендрик, зашедший в купе и поделившийся со мной чудодейственной китайской мазью, снимающей боль в ноге, вдруг грустно заявляет:

– Что хорошего в жизни видел? Наверное, детство.

Скопить на старость и ему не удалось.

Бизнесмены, а есть и такие в поезде, разговаривать со мной категорически отказываются. На их лицах читается прямо-таки гоголевское отвращение к пишущей братии.

Мы едем по Забайкалью, самому красивому отрезку пути. В предрассветной мгле, проснувшись от духоты, я замечаю в

прямоугольнике окна силуэты двух динозавров – сопки, застящие свет от просыпающегося солнца. Прижимаюсь лбом к стеклу. Откуда такая беспросветная тоска? От этого безлюдного пространства? Но заселяли же эти свободные земли каторжане и беглые, выковали особый тип русских, не знавших крепостного права. Где они, гордые и независимые, шагающие по земле хозяевами необъятной родины своей, как пелось в песне?

Едем по Читинской области. В конце восьмидесятых я путешествовал здесь по декабристским местам. В одном из райцентров застал такую картину: парень, окончивший школу с медалью, пришел в райком просить денег на билет до Москвы – собирался подавать документы в институт. Секретарь райкома посмотрел на него, пожал руку, подписал бумаги. Когда парень вышел, он развел руками:

– Права не имею удерживать.

Выдержал паузу и добавил:

– И не хочу.

За окном – нищие серые домики, почти у каждого – блин телевизионной тарелки. На грезы последних денег не жалко. Домики ничуть не изменились с советских времен, только тарелок тогда еще не было. Домики тонут в предрассветном тумане. Наш экспресс, окрашенный в три цвета нового российского флага, проносится мимо.

Биробиджан-1 – Хабаровск

Меня давно интересовали молодые муж с женой и десятилетним сыном. Они вели себя вежливо, спешили поздороваться первыми. Я пытался задавать им вопросы, но они не отвечали. Только к концу пути вдруг разговорились. Тихая красавица-жена оказалась прокурором, спортивный белобрысый муж – судьей. Они родом из Кирова, теперь живут в небольшом северном городе. Говорил, в основном, глава семейства, жена приятно улыбалась, но больше молчала.

– Суд же кругом коррумпированный, не так? – был мой первый и не совсем корректный вопрос.

И вдруг похожий на мальчика судья завелся:

– Я потому и не хотел беседовать, знал, что не поверите. У нас нет коррупции.

– Везде есть. А вы – исключение?

– Знаю, в центре есть, но у нас нет. И дачи у нас нет, могли бы построить, но там она не нужна. И машины нет, но есть служебная. Мне уже предлагали переехать, но мы решили остаться. Мы ведь специально выбирали город поменьше и подальше – начинать надо с глубинки!

Его убежденная речь пробила брешь в моем скептицизме. Они ехали через всю страну, чтобы показать ее десятилетнему сыну. Мы пристально посмотрели друг другу в глаза. Я очень хотел бы взглянуть в его глаза лет через десять.

Хабаровск – Владивосток. Город

Последнюю ночь мы не могли заснуть. Дорога умотала или разница во времени – семь часов навстречу солнцу? Во Владивостоке выгрузились, мечтая только о постели. Но и в гостинице не удалось побороть нервное возбуждение и вздремнуть. Я принял душ, стоял у широкого окна, из него открывался вид на бухту Золотой Рог, вокруг которой на высоких сопках и сложился город. В тумане, налетевшем с океана, переговаривались сиплыми гудками пароходы, у берега кивали головами портовые краны-жирафы, ветер пронес мимо меня чайку. Она лениво лежала на потоке, словно ее тянули на веревочке из одной кулисы в другую. Далеко внизу тупоносый пароходик буксировал здоровенную атомную субмарину – город готовился отметить День флота, один из главных здешних праздников. Лодку потом поставили на якоря в бухте, рядом с военными кораблями. Рожденный вдали от соленой воды, я не мог оторваться от этого зрелища.

Потом пришел Саша Колесов, председатель местного отделения ПЕН-клуба, хранитель остатков некогда богатой культурной жизни Владивостока. Он возродил альманах «Рубеж» – журнал с таким названием выходил в белоэмигрантском Харбине. Мы сели в машину и помчались по сопкам, как по могучим волнам.

Всюду были люди. Я и представить себе не мог, как со-

скучился по лицам, машинам, вывескам. По старинным зданиям. Они здесь столько же редки, как оставшиеся в живых харбинские эмигранты, чьи мемуары собирает и издает Колесов. Но они есть. Рассыпаны по всему центру города. Жилые дома, построенные для служащих торговым домом «Кунст и Альберс», с нависающими над первым этажом угловыми балконами-башенками. Отреставрированная лютеранская кирха 1908 года, куда, вероятно, ходили основатели торгового дома. Мощное здание бывшего Восточного института, где преподавали известные на весь мир ученые, – теперь здесь корпус Дальневосточного технического университета. Почтамт – бывшая почтово-телеграфная контора. Судя по размерам здания, в начале века почтовому ведомству в здешних местах придавали особое значение. С фасада бывшего японского консульства на Китайской улице исчезла фигура Ники, а грифонам у входа, что когда-то держали на цепях козырек, держать больше нечего. Замечательный модерновый особняк Бриннеров, где родился знаменитый американский актер Юл Бриннер – его походку копировал каждый мужчина, выходя из кинотеатра с просмотра «Великолепной семерки». Отец любил рассказывать мне об этом. Домина купца первой гильдии Бабинцева – ныне краевой музей.

Когда-то по здешним улицам запросто расхаживали контрадмирал Петр Воинович Римский-Корсаков, подполковник Владимир Клавдиевич Арсеньев, открывший миру Уссурийский край и его героя-аборигена Дерсу Узала, смотри-

тель Суйфунского маяка Федор Евстафьевич Чеберяк, спасший 284 человека. Лица известных владивостокцев сохранились в музее, на старых фотографиях. Я гляжу на низенького Чеберяка: правая рука на бутафорской колонне, левая на кортике, рядом свидетельство о награждении золотой медалью «За спасение погибавших». У него бравые усы и уставший взгляд служаки. Сознательно не спрашиваю, где находился Суйфунский маяк и кого спасал Федор Евстафьевич. Куда интересней закрыть глаза и представить бушующий океан, наскочившее на скалы судно. Как четки, перебираю имена кораблей: «Варяг» и «Кореец» – их знает каждый, а еще шхуна «Сторож», ледокол «Надежный», крейсер 2-го ранга «Жемчуг» – участник Цусимского боя.

За дверями музея кипит городская жизнь. Дома, офисы, торговые центры строятся, занимают командные высоты на сопках, как армия, пришедшая в новые земли навсегда. Иногда это помпезные орясины, знакомые каждому москвичу, иногда – отличные современные здания. От этой мешанины, помноженной на бессонницу, от снующих легковых машин и тяжелых грузовиков, от черных джипов на зубастых колесах мы укрываемся в ресторане. Повар-японец режет острым ножом ошпаренные кипятком фиолетовые щупальца осьминога, свежее темно-красное филе тунца, розовую мякоть лосося с желтыми прожилками нежного жира, прозрачно-зеленоватого морского карпа, скумбрию, полосатую, как кошачий лоб. Он работает аккуратно и сосредоточенно, выклады-

вает драгоценные куски сашими на доску из твердого дерева, чтобы потом расположить в особом порядке на дне лакированной лодки, украсить стружками дайкона и зеленью и подать на наш стол. Свежая японская рыба с васаби и имбирем, парной рис, хорошая беседа и глоток холодного пива «Асахи», что еще нужно, чтобы почувствовать себя в центре цивилизации?

Потом мы отправляемся на «Зеленую горку» – главный автомобильный рынок города. Идем по бесконечному черепу сопки, заставленному праворульными автомобилями. Машины – лишь малая часть большой экономики Владивостока, но самая заметная. Эти квадратные километры товара на колесах страна переваривает с той же жадностью, с какой мы только что набросились на свежее заморское кушанье. «Праворульки» давно перевалили через Урал. Двигаясь навстречу ядовитой трубке-борщевику, они пытаются отвоевать свою часть рынка. Народная молва разнесла по всей стране умело подпущенную байку: якобы «японская сборка» много качественнее «европейской» – хотя кто их сравнивал? Продавцы здесь смотрят на тебя грубо и с вызовом: типа – не хочешь, не бери. Знают, что все продадут.

Улица Владивостока тоже невероятно груба. Машины тут водят бесстыдно и нагло и правила дорожного движения не признают. Контр-адмиралы и профессора Восточного института давно сгинули в эмиграции или погибли в лагерях. Огромные спальные районы города – бывшие капустные по-

ля, рядом с которыми находились пересыльные лагеря, – они скучны и монотонны, как вся советская застройка. Где-то здесь погиб Осип Мандельштам. Недавно местные литераторы поставили ему памятник в скверике около Университета экономики и сервиса – первый (и в пору написания очерка единственный) памятник великому поэту во всей огромной стране. Владивостокцы, чьи родители съехались сюда «по набору» в послевоенные годы изо всех закоулков советской империи, спешат мимо, им нет дела до великого поэта.

Лица молодых мало отличающиеся от московских. Молодежь тусуется в кафе, гуляет по набережной. Они привыкли ко вкусному, настоящему кофе, а про напиток из цикория «Кофейный», к счастью, слыхом не слыхивали.

Маяк на краю земли

Утром следующего дня мы отправились на остров Русский. Я встал у маяка и смотрел на открытый выход в океан: справа – бухта Босфор Восточный, слева – Золотой Рог. Отцы-основатели города принесли с собой громкие названия, часть привычной европейской культуры. Так поступали все пионеры. Недаром у американцев так много Парижей и Санкт-Петербургов. Железная дорога соединила Москву с краем земли перед самой революцией, первый состав прошел сквозь страну только в 1916 году. Начавшееся в четырнадцатом веке продвижение на восток закончилось у берегов океана.

Пост Владивосток был основан в 1860 году. Приплывшие сюда позднее на кораблях, добравшиеся на перекладных поселенцы, испытавшие невероятные трудности и лишения в пути, построили на сопках город-порт, без которого весь Транссиб просто не имел бы смысла. Владивосток – важнейшее место на карте. Здесь Европа показывает себя Азии, Америке, Австралии, а они себя – Европе. Без этого порта наша полупустая и бесконечная страна была бы обделенной, как Москва без Кремля, Питер без Исаакиевского собора, Новгород без Святой Софии. И сколько б ни ругали здесь нас, москвичей, сколько б ни обзывали «западниками», мы едины уже потому, что связаны ниткой железной

дороги. История-время и география-пространство сошлись в точке под названием Владивосток, родив в семи часовых поясах от начальной станции энергетическое пространство, тождественное столичному.

Чтобы избавиться от силового поля этого города, требовалось заземлиться. Я сел на камень у кромки воды и постепенно растворился в налетевшем тумане, вдыхая свежий воздух с запахом морской соли и пряных водорослей. Уверен, так поступали все первопоселенцы. Затем стал следить за приближающимся паромом. Саша Колесов подошел и с горечью констатировал: желающих переправиться на остров так много, что мы просто не успеем обернуться за один день. Я нисколько не обиделся на судьбу. Остров Русский, до которого рукой подать – уже часть океана, а это совсем другая история. Я вдруг понял, что обязательно вернусь сюда. Нога, болевшая всю дорогу, престала меня донимать. Я пошел к машине и почти не хромал.

.

Русский Клондайк

1

– Если честно, нефтяники к 2005-му нас достали. В 90-е начались шельфовые разработки и у нас, коренных народов, тут же изъяли земли, которые только-только дали на пожизненный лов рыбы. А рыба – из года в год все хуже ловится, и попадаться стали монстры – в руки взять страшно, все в каких-то язвах, раньше такого не было. Ну, и нарушения: разливы нефти, трубопровод перекрыл нерестовые реки, они же делают что хотят! Один подрядчик построил склад материалов на священном для всех нивхов кладбище на стойбище Вени – побросал железяки на могилы, придавил усопших, а это – грех считается! Мы пытались договориться по-человечески, нас попросту игнорировали – малый народ, что с нас взять. Собрались мы зимой 2005-го на кладбище в Вени, решили выйти на акцию протеста: мы, группка, против «Sakhalin Energy». Да один их «Катерпиллер» все 3000 нивхов Сахалина в порошок сотрет и не заметит. Однако пошли. Перекрыли дорогу грузовикам, что трубы возили на Чайвинский терминал. Стоим. Начальство ихнее пустило машины в обход, хотели брешь пробить в нашей обороне. Тогда один из наших, Колька, стал шаманить.

– Он шаман?

– Шаманов у нас не осталось. Как сказать, вроде в шутку помощи просил, ну знаешь: «Калды-балды», а головной грузовик вдруг как завалится, трубы во все стороны раскатились и закрыли проезд намертво. Мы стоим, снег идет, а чудовище лежит на боку, урчит, и кругом трубы… кровь сразу вскипела, такой адреналин крутой! Затор из грузовиков на километр образовался. Компания после акции за стол переговоров с нами села. Той зимой, в заливе Чайво все мы, нивхи, такое ощутили… Конечно, это только начало, нам катастрофически не хватает своих специалистов: экологов, социологов, и мы их вырастим, дайте только срок.

– Время поджимает?

– Еще как. Наши мужчины живут до 50, старики умирают на глазах.

– Водка?

– В первую очередь – рак, водка во вторую. Губернатор подписал указ о проведении этнологической экспертизы. Как ее проводить, не знает, если честно, никто, но проведем, ищем сейчас специалистов.

– Ханты и манси, как я слышал, добились серьезных отчислений от компаний, которые добывают нефть на их родовых землях.

– Они – титульные нации, а мы – коренной малочисленный народ Севера, нам еще бороться и бороться.

События 2005-го пересказывал мне этим летом Алексей

Лиманзо – президент ассоциации коренных малочисленных народов Сахалина. Мы сидели в приличном кафе при гостинице в райцентре Ноглики, рядом два шотландца, американец и их переводчик ели отбивные, запивая свинину местным пивом. Иностранные специалисты отработали вахту на шельфе – 28 суток – и собирались домой, «на материк», как принято говорить на острове Сахалин.

Об акции протеста я читал еще в Москве – в свое время о ней много писали, как у нас, так и за рубежом. Тогда же писали и о нивхах, вставших на защиту своей земли, затем, понятно, перестали. Сведения, полученные в студенчестве из курса этнографии про нивхов – аборигенов Сахалина, я, конечно, забыл. Попасть на остров мне всегда хотелось – я попросил командировку на месяц и полетел через всю страну.

Прилетев в Южно-Сахалинск, сел в поезд, идущий по единственной нитке пути на север, чтобы начать путешествие сверху карты вниз. Я ехал тысячу километров из царства бамбука и широченных лопухов, лугов с высокой травой, причесанной ветром в беспорядке, как голова подростка, через бесконечные речки и ручьи, текущие с гор, сквозь буйную природу острова, незаселенную человеком, в царство тундровых пейзажей: стелющегося по мху стланика, редкого кустарника, мира и вовсе полной пустоты, там по рекам и заливам холодного моря всегда жили нивхи. Параллельно рельсам бежала основная островная дорога – срезанная грейдером жирная глина, высушенная солнцем, в любой

момент готовая превратиться в труднопроходимое месиво, по ней изредка ползли японские машины, преимущественно с функцией 4х4, иной транспорт здесь не ценится. Близость «самураев» ощущается постоянно – праворульная техника трудится всюду, как муравьи на забытой коробке с сахаром. Купленные авто чинить дорого – их катают на износ. Брошенные рядом с домом или на обочинах, покореженные остовы машин предаются созерцанию странной, не похожей на нашу материковую жизнь островитян: русских, украинцев, корейцев, татар, эвенков, орочей и, наконец, нивхов, ради которых я и проделал этот длинный путь.

2

Глаголы в нивхских сказках работают, как палки при ходьбе на лыжах: проталкивая повествование, рождают странный, поступательный речитатив. «Сначала, когда появилась эта земля, было два солнца. Лето было совсем, даже вода при хорошей погоде совсем закипала. Тогда появилась птица *намгури.* Две их всего выросло. В отверстии кочки сидели, жили. Потом младший сказал: „Ну ты, выйдя. Вниз по реке иди мух искать, свою пищу; я выйду и вверх по реке пойду мух искать“».

Основное время жизни у охотников, рыболовов и собирателей уходило на поиск пищи, поэтому в нивхских сказках много едят. Даже зачинатели рода человеческого – две синицы – отправляются «искать свою пищу» по реке, как веками делали аборигены Сахалина.

Нивхи (их еще называли гил**я**ками), люди «нрава кроткого, терпеливые и несловоохотливые, умственные способности их довольно развиты», так свысока оценил аборигенов дореволюционный исследователь Августинович. В XIX веке они еще обретались в землянках, крытых древесной корой, стреляли белку в глаз, жить не могли без своих собак, макали сушеную рыбу – *ю*колу, заменяющую им хлеб, в пахучий жир нерпы и никогда не мылись. В те времена гиляками пугали русских каторжан, мол, они едят человечину. Пугали,

отваживая от побега, ибо начальство сахалинской каторги приучило местных охотиться за беглыми.

Любовь к собакам и умение метко стрелять пригодились и при Советской власти. «Наши мужчины на войну (Финскую. – *П. А.*) всегда с собой лайку брали. Отец говорил: кукушка на сосне сидит, собака его облаивает. Снайпер выдать себя боится, к стволу дерева жмется. Мой отец его и снимал выстрелом. Погибнут собаки, погибнут и нивхи», – заключил неожиданно дядя Петя Мувчик со стойбища Вени.

Советская власть изменила жизнь гиляков. Детей из стойбищ забирали в интернаты, спасали от свирепствовавших там туберкулеза и трахомы. Трахому и туберкулез победили. Создали даже нивхскую интеллигенцию, но убили язык. На нем, уникальном, не имеющем родственных связей ни с одним языком мира, теперь говорят редкие старики.

Южная половина Сахалина после Русско-японской войны отошла к японцам. Нивхи большей частью жили на севере острова и преимущества коллективной социалистической жизни им начали объяснять еще в 20-е годы специальные «уполтузы» – уполномоченные по делам туземцев. Всерьез же нивхами занялись после Великой Отечественной, когда прогнали «самураев» и остров стал целиком советским.

В 50-е, затем в 70-е годы пошлого века людей, еще недавно живших в неолите и шагнувших сразу в социализм, в два этапа свезли в специально созданные для них национальные поселки и принудили работать в рыболовецких колхо-

зах. Придуманная в 30-е, зафиксированная на бумаге в 70-е годы прошлого века нивхская азбука, по сути, нивхам была не нужна. Отец одной из встреченных мной нивхинок развозил газеты, за что получил фамилию Правда. Народ, живший устными преданиями, в школе стал читать «Мойдодыра» и «Тихий Дон».

Когда случилась перестройка, колхозы рухнули, оставив после себя груды металлолома. Вынужденные сами искать пищу люди вспомнили про родовые земли, где ловили рыбу их предки. На деле о них не забывали, просто терпеливо ждали. Дождались. Страна полюбила фермера. Многие нивхи действовали, как все россияне, кто не пил, был способен к ведению хозяйства и мечтал об экономической независимости, они потянулись назад к родовым стойбищам и создали там родовые хозяйства. Начинались «ревущие 90-е», как назвал их один сахалинец.

Традиционные участки лова роздали. Прошло семнадцать лет.

3

Поселок Некрасовка находится на самом севере острова, в 29 километрах от райцентра Оха. Школа, почта, главный магазин, набитый продуктами, называется «Радость». Водка продается из-под полы. Еще в Москве меня пугали спившимся народом, мол, аборигены и водка несовместимы. Мужчин на улице мало, но пьяных не видно. Женщины гуляют с детьми, катают коляски. В Некрасовке живет 1200 человек. 560 из них нивхи (всего нивхов на острове около 3 тысяч). Пацаны стоят в кружок у ларька.

– Как дела?

– Какие дела, одна скука, а ты – турист?

– Вроде того.

– Туристу тут хорошо, а так – богом забытое место.

4

В богом забытом месте, в трехкомнатной квартире (природный газ, горячая вода) располагается «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов севера „Кых-Кых“ („Лебедь“)». Тут же готовят к печати газету «Нивх диф» («Нивхское слово». Тираж – 250 экземпляров. Выходит на нивхском и русском языках. Подготовку номера и печать оплачивает администрация области). Федор Мыгун – руководитель Центра и корреспондент газеты. Центр – некоммерческая общественная организация. Существует на гранты.

После акции протеста «Sakhalin energy» села за стол переговоров с ассоциацией коренных народов Сахалина. В результате родился «План содействия развитию коренных малочисленных народов севера (КМНС) Сахалина». Была разработана система грантов, на реализацию которых компания выделила руководящему органу КМНС 1,5 млн долларов на пять лет – по 300 тысяч в год (приблизительно по 100 долларов на каждого нивха). Федор Мыгун – один из координаторов проекта.

Вечерами в центре «Кых-Кых» собираются бабушки, шьют костюмы для национального ансамбля, работа оплачивается из выделенного гранта. Два раза в неделю в кружке изучают нивхский язык. Людей приходит немного. Федор се-

тует: «Я их зову – мало идут». Сам он – выходец с Амура (там тоже живет около трех тысяч нивхов). В 1972-м брат забрал их с сестрой в интернат на остров. Мыгун как одаренный ученик был отправлен на материк и закончил Абрамцевское училище по специальности «художественная обработка камня, дерева, кости». Вернувшись, работал в рыболовецкой бригаде и в местной школе учителем труда. Мыгун – многолетний участник ансамбля «Пила Кен» («Большое солнце»). В свои 45 лет три раза ездил с ансамблем в Японию, бывал во Франции, Швейцарии и на Аляске. В 90-е пытался выпускать сувенирную продукцию, но бизнес прогорел. По дереву сейчас не режет. В 2002 году создал «Кых-Кых». Изучает язык, но читает пока с трудом, а говорить на языке стесняется. Впрочем, разговаривать на нивхском особенно не с кем. Детей в некрасовской школе нивхскому языку учат только до 4-го класса, дальше госпрограмма поддержки КМНС перестает действовать. Учительница нивхского на языке предков тоже не говорит. На вопрос «Почему?» смущенно отвечает: «Учимся».

Нивхскому, кстати, учат и русских детей – школа в Некрасовке общая. В национальном ансамбле и в спортивном кружке есть русские ребята, им нравится: водят хороводы, стучат священными палочками по бревну, бьют в бубен. Всем полагаются расшитые торбаса (меховые сапожки) и красивые халаты. В спортивном кружке стреляют из лука, кидают топорик, борются, обхватив друг друга за пояса. Сло-

вом, работа ведется.

– Такими темпами, наверное, возрождать язык придется долго?

– Мы не спешим, мы работаем.

Терпение – главная черта нивхского характера.

Большинство мужчин-нивхов Некрасовки в «Кых-Кых» никогда не заглядывало.

5

Вечером выхожу из Центра купить еды. Все те же женщины с колясками катают малышей по главной пыльной улице поселка, все так же мальчишки стоят кучкой около ларька, грызут семечки. Здесь, в самом центре нивхской культуры, в поселке, где выпускают не нужную никому газету, нет ничего особенно нивхского. А что, собственно, я бы хотел увидеть? Этнографический поселок с чумами, крытыми корой? Развешанную по стенам пятиэтажек сушащуюся юколу? Но эта благопристойная тишина гнетет меня – шестая часть трехтысячного древнего народа живет здесь в созданной властью резервации, пользуется благами цивилизации, медленно, но верно исчезает с лица планеты. Единицы, подобные Федору Мыгуну, понимают это и пытаются противостоять течению времени? Нет, пожалуй, существуют в нем, чуть-чуть лишь активнее соплеменников.

Симпатичный, воспитанный мальчишка на улице здоровается со мной первым. Машинально я отвечаю ему. Я бы хотел, чтоб он поздоровался по-нивхски? Утраченный язык уже не спасти. Что же тогда надо спасать и надо ли? Знаменитое терпение кажется мне сродни глубоко законспирированному отчаянию, с которым, говорят, может справиться только религиозный человек. Но где та религия, если шаманить может только Колька и то «не по-настоящему»? И

почему малочисленные народы Дагестана, например, не борются за свои права и не требуют субсидий у государства? Потому, что живут в тепле, а не в холоде, или потому, что горцы имеют особую гордость? Мыгун, например, гордится тем, что недавно провели объединительный съезд с Амурскими нивхами – повидались, поговорили…Сахалинская газета до тех, материковых собратьев не доходит. Следующий съезд, еще один. Что это дает народу, который не заглядывает в Центр по сохранению и развитию своей культуры? Впрочем, много ли русских участвуют в ансамблях народных инструментов, режут ложки и плетут из бересты? Три тысячи человек на тысячу километров острова, где могло бы разместиться большое государство.

Из подъехавшего микроавтобуса выходит женщина, тащит сумку с огромным куском осетрины. Рыбак-нивх сидит за рулем.

Прошу у него рыбы. Он отмеряет кусок.

– Три кило по 80 рублей, давай 240.

Вернувшись назад, спрашиваю Федора, сколько стоит здесь калуга.

– 50 рублей.

– А водка?

– 120 рублей.

Калуга – осетровая рыба. Отлов строжайше запрещен. За один «хвост» легко угодить в тюрьму.

6

Сижу в ухоженной квартире в Некрасовке. Хозяйка – нивхинка, женщина с приятным лицом, спокойная, мягкая. Речь правильная, так и льется. Всю жизнь проработала учительницей младших классов. Муж – украинец, попавший служить на Сахалин.

– Почему нельзя ловить рыбу сколько хочется, мои предки же ловили? Еще в 80-х такой проблемы не было, правда, и спроса на икру не существовало. Теперь как с ума посходили. Все под запретом. Разрешают каждому нивху поймать по 9 «хвостов» кеты и 100 кг горбуши на человека.

В 92-м нам выделили места, где наш род искони ловил. Надо было с чего-то начинать. А что у нас было? Дали ссуду, купили «Буран», лодочный мотор, «ГАЗ-66», «ЗИЛ 131», зарегистрировали родовое хозяйство. Поначалу в охинском районе было 48 хозяйств, сегодня осталось 11. Многие до регистрации не дошли, все пропили. Остальных начали душить налогами. В Японии, я узнавала, платишь маленький налог и лови сколько хочешь, сдавай свежую рыбу, тебя только приветствуют.

– Какой доход с хозяйства?

– Не большой, сам суди.

Сижу, записываю тысячи, плюсую в столбик, отнимаю затратную часть, налоги – получается по нулям. В квартире два

телевизора, холодильник, советская стенка, на кухне в ведре варится корм для поросенка. Квартира на третьем этаже.

Хозяин после разговора идет меня провожать, ему охота поговорить. Я ночую в «Кых-Кыхе». Выпив пива, он расходится, ругает глупую власть, вспоминает молодость, СССР и наконец, выпаливает: «Мне от них ничего не надо, свои 300–500 тысяч рублей я на икре заработаю».

– Нелегально?

– Кто же ее легально продает? Только ООО и рыбозаводы – те, кто поближе к начальству. Вот пойдет путина, джипы скупщиков у нас дневать и ночевать будут. Тут икра колеса крутит.

7

Лососевые стремятся на нерест в реки. Стоит только рыбе «хлебнуть» пресной воды, в ней происходят изменения: стремительно начинает развиваться и расти икра, зато мясо становится рыхлым, и в рыбной промышленности ценится очень низко. Промышленный прибрежный лов ведут в море большими ставными неводами. Стена с ловушками уходит от берега на два километра. Такая сложная снасть стоит до 2 миллионов рублей и, конечно, предусматривает наличие официальных квот, которые, понятно, дают не всем хозяйствам. Невод обслуживает бригада в 10 и более рыбаков. Пойманную рыбу отвозят на переработку в консервный цех или в морозильники, что тоже стоит немалых денег. Большинство родовых хозяйств ловит по-старинке – сетями от берега. Но на вопрос «Где ваш невод?» вам чаще всего станут жаловаться на происки конкурентов, на козни властей, мало кто честно признается, что осилить сложное производство просто не в состоянии. Ведь чтобы сдать рыбу, необходимо получить сертификат качества, провести массу анализов, а мелкому частнику это просто не по силам. Другое дело «левак», им кормится большинство из тех, кто ловит сахалинского лосося.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.